

ДАНИЛКИНА ЛЮБОВЬ

[Ваша Фамилия]

Филатова Филатова Данилкина любовь.

<https://litres.ru/74694082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцативосьмилетний художник Данила теряет единственного близкого человека — бабушку, заменившую ему родителей. Оставшись один, он встречается на Арбате Марину — загадочную красавицу, ставшую его музой. Но эта любовь приносит ему не счастье, а раздробленную кисть руки, отчаяние и попытку уйти из жизни.

Спасают его случайные люди в больничной палате: умирающий парень Илья, монашка матушка Прасковья и маленькая сиротка Камилла, которую он обещает забрать из детдома. Через веру, боль и кропотливый труд Данила заново учится держать кисть и жить.

История о том, что любовь бывает разной — страстной и спасительной, и что семья — это не только кровь, но и те, кто пришел в твою жизнь, чтобы спасти.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Филатова Данилкина любовь.

Глава 1

За поминальным столом, который стоял в гостиной, сидели в основном пожилые люди — ветераны войны, ветераны тыла. Все те, кому когда-то помогла Данилина бабушка Валерия Власовна. Соседи по дому, которые уважали бабушку, — она была старшей по подъезду.

Тётя Поля, среднего роста, лет пятидесяти пяти, женщина прямолинейная, могла всё сказать тебе в глаза, что думает. Она у них работала уже лет десять — как только бабушке стало трудно вести хозяйство. Кого-то Данила в лицо знал, кого-то видел впервые. Он отрешённым взглядом смотрел на них. Они по очереди вставали и вспоминали ушедшую на семьдесят шестом году жизни в другой мир его бабушку. Говорили только хорошее — о её добром сердце, благодарили судьбу за встречу с таким человеком. И всё в прошлом — одни воспоминания.

Только Даниле, двадцативосьмилетнему внуку Валерии Власовны, от их слов легче не было. Он сидел, втянув шею

в плечи. Волосы до плеч были собраны и перетянуты резинкой. Был он рослый, под метр восемьдесят, но за столом выглядел растерянным подростком. Перед ним стоял стакан с киселём и тарелка, на которой лежал блин. Данила ни к чему не притрагивался, так как не мог осознать и не хотел верить всему тому, что происходило здесь, в бабушкиной квартире. Все они здесь, а её нет и не будет.

По квартире бегали друг за другом двое детей: мальчик лет пяти, раскрашенный зелёнкой, — внук тёти Поли, и девочка лет четырёх — тоже, наверное, внучка кого-то из пришедших ветеранов. Своим присутствием они как бы напоминали всем сидящим за столом, что жизнь-то продолжается.

Народ стал расходиться. Тётя Поля начала убирать со стола.

— Ты бы, милоч, блинчик-то съел и киселёк выпил, — обратилась она к Даниле. — И не возражай, надо бабушку помянуть, обычай такой.

Он через силу выпил кисель и скушал один блинчик.

— Тётя Поля, вы сегодня, пожалуйста, не оставляйте меня одного.

— Ладно, милоч. Только и Сергунька со мной здесь останется, а то в садик ему нельзя — приболел он, вот и приходится с ним возиться.

По комнате бегал Сергунька, восседая на палке с головой лошади. Данила, завернувшись в бабушкин плед, прилёг на диван. Он лежал и смотрел на бабушкин портрет, а она смотрела на него — как когда-то позировала ему, когда он писал её. Ему казалось, будто он лишился руки.

— Как же я без тебя буду жить, бабушка? — прошептал он. — Вот и стал я сиротой, бабушка. Один на всём белом свете.

Он про себя разговаривал с ней: «А ты меня раньше, бывало, маленького прижмёшь к себе и ласково говорила: кровиночка ты моя, сиротиночка. Вот только когда ты ушла, я по-настоящему почувствовал себя сиротой. Никто меня больше не выслушает, не пожалеет, не придёт ночью в мою комнату, чтобы поправить подушку и одеяло, сползшее с кровати».

Даниле стало жалко себя. Он закрылся пледом и тихо заплакал. Тётя Поля увидела, как вздрагивают под пледом Данилины плечи. Она взяла Сергуньку за руку и увела внука на кухню, чтобы дать Даниле выплакаться.

— Поплачь, поплачь, милоч, — вот увидишь, тебе полегчает.

Сколько себя помнил Данила, он всегда жил с бабушкой, которая заменила ему и мать, и отца. Бабушка была коммунисткой до мозга костей. Всю сознательную жизнь она занимала руководящие посты, а выйдя на заслуженный отдых, не оставила дела: в совете ветеранов она с прежним рвением продолжала отстаивать права своих товарищей. Дома у них никогда не закрывалась дверь, и телефон — старый, чёрный, со времён Отечественной войны, почему-то казалось Даниле, — никогда не умолкал.

Квартира у них была большая, на третьем этаже трёхэтажного сталинского дома в центре города. Она перешла по наследству бабушке от её отца. Даже мебель в этой квартире никогда не менялась, а только что-нибудь приобреталось, но обязательно под интерьер того, что уже было. Прадед Данилы в своё время занимал весьма солидную должность, и бабушка унаследовала от него не только стальной характер, но и властный нрав.

Данилу она любила. У неё всегда для него находилось время — и сказку рассказать, и отвести в садик, когда он был маленьким, в школу, когда пришло время учиться, по всяким секциям. Она была строгой, каким должен быть отец,

внимательной и любящей, какой должна быть мать. И ласковой, и доброй бабушкой.

Когда ему исполнилось семь лет, перед первым сентября, играя со сверстниками на улице, он рассказывал, что завтра идёт в школу. Что бабушка купила ему школьную форму, красивый портфель, пенал и цветные карандаши.

На скамейке у подъезда сидели две бабушки, которые присматривали за своими внуками. Одна из них, сердобольная соседка тётя Нюра, услышав его рассказ, спросила:

— А мать-то приедет тебя провожать в школу?

Он посмотрел на неё непонимающими глазами и на её вопрос только переспросил:

— Какая мать?

Тётя Нюра в ответ ему высказала:

— Как какая? Да та, что тебя родила.

Тут она стала с соседкой по скамейке обсуждать его бабушку, что та неправильно воспитывает его. Что бабушка не имеет никакого права лишать его матери. Что она диктатор и

что выжила из ума совсем, старуха. Он смотрел на этих двух склочных бабок, сжимая кулачки, и сквозь зубы сказал им, что это они сами старухи, выжившие из ума.

— Вот грубиян, — сказала вдогонку ему баба Нюра.

Однажды он всё же не выдержал и спросил бабушку:

— Где мои родители и кто они?

Бабушка посадила его напротив себя, сказав, что он уже большой и она может ему рассказать. Кто такой его отец, она не знает, так как не видела его ни разу. А вот мать — это её непутёвая дочь, которую она родила в тридцать лет и ничего для неё не жалела, пока та росла и училась.

— Быть может, я виновата. Не надо было отпускать её из дома — здесь много учебных заведений. Но ей хотелось самостоятельности. И, уехав в другой город учиться после десятого класса, занялась совсем другим ремеслом, о котором я говорить не стану, вырастишь сам поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.